

Храм, в который приехали Старик Ли и его спутники, назывался Храмом Синъюнь, что означало стремление к истинной и безграничной свободе, подобной плывущим облакам. Когда-то на его территории бил горячий источник — местная достопримечательность скромных масштабов. Со временем источник иссяк, и посетителей поубавилось. Но старшее поколение по-прежнему питало к этому месту нежные чувства. Считая храм чудодейственным, они каждый год собирались группой, чтобы помолиться и сделать пожертвования.

Будда пребывает высоко в небесах, но простым смертным, что поклоняются ему, тоже нужно на что-то жить. Ради приезда столь щедрых благотворителей настоятель лично вышел встретить гостей.

К тому времени уже стемнело, и для молитвы час был неподходящий. Устроив гостей на ночлег, настоятель распорядился, чтобы на кухне приготовили скромный постный ужин.

За столом Ли Сяньфу, сидевший в окружении пожилых людей, выглядел совершенно чужим.

У стариков часто бывают свои причуды. Один из них, с весьма суровым видом, недовольно хмыкнул, беря палочки для еды. Он придавал ежегодному паломничеству огромное значение и считал, что Старик Ли занимается глупостями, потащив с собой представителя младшего поколения.

Разве современные молодые люди способны искренне верить в Будду?

Старик Ли сделал вид, что ничего не заметил. Он твердо решил заставить младшего сына вкусить тяготы аскетичной жизни, чтобы тот понял: даже работа в офисе с редкими застольями, полными мяса и рыбы, — это непозволительная роскошь.

Жизнь в монастыре подчинялась строгим правилам, касающимся еды, одежды и быта. Поскольку гости бывали здесь часто, молодой монах быстро принес им подходящие монашеские одежды.

В старости спится мало, поэтому на следующий день не было еще и шести утра, когда все старики уже поднялись и вышли во двор размяться.

Старик Ли постучал в дверь комнаты Ли Сяньфу, но никто не ответил.

— Для молодежи совершенно естественно любить поспать подольше, — заговорил тот самый суровый старик, который выказал недовольство прошлым вечером. Его звали Старец Ань. В прошлом он был известным дизайнером и пользовался огромным авторитетом в своей сфере. — Тебе вообще не стоило брать его с собой.

Когда в человеке бьет ключом энергия и хочется покорять вершины, разве до душевного ли покоя?

Старик Ли на самом деле имел свой корыстный интерес. Все эти его старые друзья занимали высокое положение в обществе, и для Ли Сяньфу было бы нелишним примелькаться перед ними — на будущее пригодится.

Вдруг кто-то принялся:

— Что там готовят на кухне? Какой аромат!

С самого утра этот запах пробудил в них нешуточный аппетит.

Двор находился недалеко от кухни. Пойдя на запах, они увидели приоткрытую дверь. Еще издали им предстала картина, превосходящая по колориту любые исторические фильмы: мужчина, чьи длинные волосы были небрежно заколоты шпилькой, закатав рукава, разливал по мискам кашу.

Рядом с Ли Сяньфу стоял высокий иностранец в очках без диоптрий.

Заметив боковым зрением приближающиеся фигуры, Ли Сяньфу поднял голову и улыбнулся:

— Мне не спалось, поэтому я одолжил кухню и решил приготовить для всех грибную кашу.

Старик Ли сразу обратил внимание на незнакомого иностранца:

— А это?..

— Член жюри с моего прошлого творческого конкурса. Не ожидал встретить его здесь.

Иностранец изобразил дружелюбную улыбку и поздоровался.

Старик Ли спросил:

— А что у него с лицом?

На выразительном лице иностранца виднелась странная красная отметина, проходящая под углом в шестьдесят градусов к крылу носа.

Ли Сяньфу смущенно ответил:

— Я случайно взмахнул лопаткой для сковороды.

Ранним утром он заметил подозрительную фигуру, притаившуюся в тени, и решил сработать на опережение. В итоге вышло нелепое недоразумение: не признал своего.

Ли Сяньфу говорил об этом как о пустяке, но стоявшего рядом иностранца до сих пор бросало в дрожь от пережитого страха.

События получасовой давности все еще стояли у него перед глазами: Ли Сяньфу притворился, что вышел налить воды, и вдруг молниеносно атаковал. Счастье еще, что реакция иностранца оказалась отменной и он успел увернуться.

Накладывая кашу, Ли Сяньфу мысленно поражался поразительной, почти пугающей предусмотрительности Цинь Цзиня. Стоило лишь выложить в соцсеть фотографию пейзажа, как тот сразу принял это к сведению и на всякий случай прислал человека для подстраховки.

— Давайте сначала позавтракаем, — опомнившись, мягко улыбнулся Ли Сяньфу. Он взял поднос, чтобы унести все миски с кашей за один раз. Иностранец поспешил на помощь и понес тарелки с закусками.

Для аромата в кашу добавили немного нарезанного соломкой имбиря. Свежие грибы и сами по себе были хороши, но благодаря кулинарным навыкам Ли Сяньфу у блюда появился насыщенный вкус наваристого бульона.

Старик Ли тихонько спросил:

— Надеюсь, каша без мяса?

Ли Сянфу усмехнулся:

— Даже искусная хозяйка не сварит кашу без крупы.

Даже если бы он и захотел добавить мясного фарша для сытности и вкуса, в монастыре его днем с огнем не сыщешь.

— Это пастушья сумка? — Старец Ань, сидевший напротив, удивленно округлил глаза.

Ли Сянфу кивнул.

Старец Ань всерьез засомневался, что раньше вообще ел настоящую пастушью сумку. Дома у него тоже был повар, но у того всегда получалось какое-то водянистое месиво с плавающими на поверхности бледно-зелеными листиками. Блюдо же перед ним мало того что приятно хрустело, так еще и оставляло долгое, нежное послевкусие с тонким травяным ароматом.

После завтрака к ним заглянул настоятель и сообщил, что вскоре можно будет пройти в храм для молитвы. Когда его взгляд упал на Ли Сянфу, настоятель задержал его на секунду, сложил ладони вместе и слегка поклонился. Ли Сянфу ответил ему тем же.

Повернувшись к недоумевающим старикам, он пояснил:

— Перед вашим приходом я отнес отдельную пиалу каши настоятелю.

Все-таки им предстояло гостить здесь несколько дней, так что проявить вежливость и наладить хорошие отношения лишним не казалось.

В ритуале поклонения Будде было множество тонкостей, но при этом он не отличался излишней строгостью к внешним условиям.

К примеру, тройной поклон требовал строгого соблюдения позы, включая правильное сложение ладоней. Однако конкретное место значения не имело: где бы ты ни находился, главное — искренность в сердце и обращение на запад с благоговением.

Раз уж они приехали в монастырь, то, разумеется, отправились в главный зал.

На полу лежали подушки для молитв. Гости входили один за другим. Когда подошла очередь Ли Сянфу, он сначала омыл руки, зажег благовония и, держа ладони лодочкой, поднял их над головой. Прошептав про себя несколько молитвенных фраз, он склонился в поклоне.

Каждый раз, когда он поднимался с колен и вновь возносил руки, они оказывались ровно на той же высоте, что и прежде. Его движения были настолько выверенными, что к ним невозможно было придраться даже под лупой.

Стоявший неподалеку молодой монах не удержался от тихого шепота:

— Учитель, он кланяется даже правильнее, чем вы.

— ...

Буддийские монахи не лгут, поэтому у настоятеля лишь дрогнули веки: спорить с этим было бессмысленно.

После совершения поклонов они перешли в отдельный боковой придел, предназначенный для чтения сутр.

Поначалу Ли Сянфу сидел, скрестив ноги, как и все остальные. Но стоило ему увидеть вошедшего с книгой сутр настоятеля, как его дыхание участилось.

Во времена жизни в Стране Матриархата он читал сутры с таким рвением, что все обитатели его поместья полностью лишились плотских желаний. В итоге за три года там не родилось ни одного ребенка. Перед самой кончиной к Старой владычице на миг вернулась ясность ума. Оглядев комнату, она обнаружила, что никто и не думает лить слезы. Напротив, все искренне радовались за нее, и даже собственная дочь не стала исключением.

— Вы натерпелись мук в мире смертных, — тихо произнесла дочь, сжимая ее руку. — Но теперь наконец обрели освобождение.

Все присутствующие склонились в едином поклоне:

— Поздравляем Старую владычицу с освобождением!

Понимая, что если все продолжится в том же духе, их род прервется, Старая владычица дрожащими руками оттолкнула дочь и схватила Ли Сянфу за руку:

— Внук мой... с этого дня... ты должен жить как раньше! Скачи во весь опор на лошадях с императорскими дочерьми, пей вино и слагай стихи с вельможами... Ах да... когда нечего делать, болтай с купцами о торговле... Но только ни в коем случае, ни в коем случае больше не прикасайся к буддийским книгам!

Присутствующие ужаснулись, решив, что владычица лишилась рассудка.

Однако тело Старой владычицы, подобно бьющемуся на берегу умирающему карпу, совершило последнее судорожное движение. Не дав никому вставить и слова, она выдохнула:

— Это... моя последняя воля! Если нарушишь ее — совершишь тягчайший грех против сыновней почтительности! Мой дух... никогда не найдет покоя!

С того самого дня Ли Сянфу со спокойной совестью пустился во все тяжкие, ведя разгульную жизнь на законных основаниях.

Прошло много лет, но теперь, вновь увидев священные тексты, он почувствовал, будто его сердца коснулась пушинка, оставив после себя томительное, щекочущее чувство.

Взгляд Ли Сянфу был настолько горящим, что настоятель просто не мог этого не заметить. Он мягко спросил:

— Благодетель, не гложут ли твою душу сомнения?

С того момента, как настоятель вошел в зал, Ли Сянфу смотрел на него голодным волчьим взглядом, который выглядел поистине пугающе.

Ли Сянфу сглотнул слюну и изо всех сил постарался придать голосу ровность:

— В университете я глубоко изучал буддийские тексты, да и в санскрите кое-что смыслю.

Из уст любого другого это прозвучало бы как хвастовство, но благодаря утреннему завтраку

настоятель проникся к Ли Сянфу симпатией, а потому не стал судить строго.

Служители Будды ценят скромность, но раз уж гость сам завел об этом речь, настоятелю не оставалось ничего другого, кроме как поинтересоваться его успехами.

Старик Ли предостерегающе пробормотал:

— Веди себя прилично.

Однако тело Ли Сянфу жило собственной жизнью. Он уже сделал шаг вперед и, заметив стоявшего на улице иностранца, помахал ему рукой, приглашая войти.

— Мне не стоит, — отказался тот. Он пришел сюда лишь по распоряжению босса, чтобы обеспечивать безопасность своего подопечного.

Ли Сянфу не стал настаивать. В конце концов, тот стоял прямо у дверей, так что чтение сутр услышит и оттуда.

Собравшись с мыслями и настроившись на благоговейный лад, он, даже не заглядывая в книгу, начал по памяти читать древний текст.

Звание «мастера на все руки» было не просто пустым звуком — оно наделяло его особыми способностями. Это было похоже на вращение в танце, где он мог двигаться на одну десятую секунды быстрее человеческого предела. С чтением сутр происходило то же самое: сила, исходившая от его голоса, проникала в самые глубины человеческой души.

Лица людей в комнате постепенно озарились блаженством. Иностранец, который до этого развлекался на улице, дразня сверчков веточкой, услышал доносившиеся изнутри звуки санскрита и невольно опустил руку.

<http://bllate.org/book/18300/1757027>